

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Федюшин Владислав Валерьевич

**Территориально-политическая организация майя Северного
Юкатана в поздний постклассический период**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (история Древнего мира)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва — 2022

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова

- Научный руководитель** – *Сафронов Александр Владимирович, кандидат исторических наук*
- Официальные оппоненты** – *Бондаренко Дмитрий Михайлович, член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, ФГБУН Институт Африки Российской академии наук, заместитель директора по научной работе*
- Варьяш Ирина Игоревна, доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», исторический факультет, кафедра истории средних веков, профессор*
- Демичева Ирина Юрьевна, кандидат исторических наук, АНО ВО Московский гуманитарно-экономический университет, Нижегородский институт (филиал), кафедра общегуманитарных дисциплин, математики и информатики, доцент*

Защита диссертации состоится «___» _____ 20__ г. в ___ часов на заседании диссертационного совета МГУ.07.04 Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова по адресу: 119234, ГСП-1, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 Шуваловский, исторический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, ауд. А-416.

E-mail: vi-dissovet@hist.msu.ru

Диссертация находится на хранении в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27).

С информацией об организации защиты и с диссертацией в электронном виде можно ознакомиться на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/442643761/>

Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Е.В. Романова

Общая характеристика работы

Научная актуальность. Поздний постклассический период в истории северного Юкатана охватывает время от нач. XIII в. до завоевания полуострова испанцами в 1540-е гг. Еще недавно в науке господствовало представление об «упадочности» этой эпохи, проявлявшееся даже в способах ее именования (*пост-классической* или вовсе «упадочнической» [Decadent]). Сейчас же такое представление, в целом, сохраняется лишь за рамками профессионального сообщества мезоамериканистов. Напротив, на позднюю постклассику приходится второй большой цикл развития (экономического, политического, культурного), последовавший за крушением основных центров более раннего времени (Тула, Чичен-Ица). Его характерными чертами стали бурный рост населения, интенсификация дальнего обмена (со всеми культурными последствиями: распространением нового архитектурного стиля, иконографии, появлением нефонетического центральномексиканского письма, пригодного для толкования жителям иноязычных регионов) и повсеместное усиление значения локальных политий.

Последнее обстоятельство несколько не умаляется тем фактом, что в Мезоамериканском ареале в поздний постклассический период существовал целый ряд надлокальных и надрегиональных государств. В полной мере это относится и к северному Юкатану, где в XIII — сер. XV вв. господствовала Майяпанская полития, а ко времени конкисты имелось полтора десятка надлокальных политий и множество более мелких образований. Однако политическая и административная структура этих государств была весьма далека от обычных для современной науки иерархических моделей.

В диссертации ставятся вопросы о природе локальных и о механизмах складывания и функционирования надлокальных политических образований северного Юкатана в поздний постклассический период.

Значение избранной темы определяется, главным образом, двумя обстоятельствами. Во-первых, в настоящее время происходит активное переосмысление роли постклассического периода в истории Мезоамерики в целом и Юкатана в частности, связанное как с новыми эмпирическими находками, так и с развитием теоретической базы мезоамериканистики. Уточнение и переосмысление форм надлокальной политической организации этого периода, безусловно, будут способствовать углублению дальнейшего его изучения. Во-вторых, результаты работы могут быть полезны и вне собственно мезоамериканистских исследований, так как они позволяют во многом по-новому взглянуть на вариативность механизмов функционирования надлокальных политических образований в раннеклассовых обществах.

Объектом исследования является общество майя северного Юкатана позднего постклассического периода. **Предметом** исследования являются политические отношения обозначенного времени. Первоочередное внимание уделено формам региональной и надрегиональной политической организации.

Цель исследования — реконструировать территориально-политическую организацию майя северного Юкатана в поздний постклассический период. Для достижения этой цели необходимо выполнить ряд **задач**:

- 1) подвергнуть критическому анализу имеющиеся реконструкции политической географии времен конкисты и Майяпанской политики;

2) выявить такие уровни территориально-административной организации, которые стоят достаточно низко, чтобы не иметь политической субъектности, а также формы объединения их в минимальные потенциально автономные единицы;

3) исследовать механизмы создания политических образований, стоящих по уровню территориально-административной организации выше минимального потенциально автономного уровня.

Хронологические рамки работы заявлены в заглавии. Нижний рубеж (нач. XIII в.) — общепринятое в современной науке начало позднего постклассического периода на территории Юкатана. В политическом плане оно связывается со стремительным возвышением Майяпана, власть которого над значительной частью полуострова, несомненно, в каком-то смысле сформировала матрицу дальнейшего политического развития. По понятным причинам нет ни возможности, ни какого-либо смысла в установлении более четкой нижней даты. Верхний рубеж (сер. XVI в.) задан гибелью прежних форм политической организации в результате покорения северного Юкатана испанскими завоевателями. Несмотря на то, что это событие уже можно датировать с точностью до года, смысла в такой датировке попросту нет. Первые контакты с экспедициями (1517-1519 гг.), неудачные завоевательные кампании (1527-1529, 1530-1535 гг.), наконец, окончательная *энтрада* (1540-1545 гг.), и основание Мерида (1542 г.), безусловно, все оказывали разрушительное воздействие на местные политические институты, однако и здесь выделить единственную терминальную точку сложно. Ясно лишь, что надлокальные политические организации на большей части покоренной испанцами территории прекратили свое существование на протяжении 1550-х гг.

Географические рамки: исследуется материал Юкатана севернее линии, проходящей по югу Белиза, вдоль северной границы гватемальского Петена и далее вплоть до залива Кампече¹.

Теоретическая и методологическая основа исследования определяется спецификой изучаемых объекта и предмета, а также характером используемых для этого источников. К ключевым методологическим принципам работы, лежащим в фундаменте исторической науки в целом, относятся историзм, понимаемый как требование конкретно-исторического и системного анализа изучаемой реальности, и объективность. Среди применяемых методов познания присутствуют и общенаучные (индукция, дедукция, анализ, синтез и др.), и специально-исторические — компаративный и историко-генетический. Исходя из специфики изучаемого предмета важное место в исследовании отводится некоторым вспомогательным историческим дисциплинам — в частности, ономастике и политической географии. В рамках историко-сравнительного метода находят применение подходы из смежных дисциплин — политической антропологии, социологии, этнологии.

Общей, рамочной теоретической основой исследования является созданная в рамках неозволюционистского подхода теория раннего государства. Важным дополнением ней служат мир-системный подход, пришедший из исследований экономической структуры, и теория и типология развития государств, предложенная И.М. Дьяконовым и В.А. Якобсоном.

Степень изученности проблемы. Рассматриваемая проблематика была конституирована в научном поле благодаря работам Р. Ройса о политической географии майя (1957 г.) и письменных источниках по истории Майяпанской

¹ Andrews E.W. Archaeology and Prehistory in the Northern Maya Lowlands: An Introduction // Handbook of Middle American Indians. Vol. 2-3: Archaeology of Southern Mesoamerica. 2. Austin, 1965. P. 288.

державы (1962 г.). Труды Ройса, выполненные в позитивистском духе, заложили основу для дальнейшего изучения общества майя постклассики. Представленная им картина, безусловно, не была лишена схематизма в том, что касается политической организации майя непосредственно перед конкистой: встречающиеся в испаноязычных текстах «провинции» полуострова были определены им как состоящие из «селений» (*кахов*, внутреннее устройство которого не интересовало антрополога) отдельные государства (*кучкабали*), по степени централизации делившиеся на три типа; проблема административного устройства Майяпанской державы, которую исследователь затронул, впрочем, лишь походя, была решена просто: «провинции» трактовались как бывшие административные единицы этого образования. Анализ административно-политической системы контактного периода сводился к выделению и обозначению функций надлокального правителя (*халачвиника*) и правителей отдельных «селений» (*кахов*). Долгое время схема Ройса устраивала исследователей, в ее рамках работал ряд археологов и историков (Э. Эндрюс, Э. Варгас Пачеко и др.). В нач. 1990-х гг. она подверглась пересмотру со стороны сразу двух исследователей — японца Ц. Окоси Харады и мексиканца С. Кесады. Диссертационные исследования двух этих ученых были закончены практически одновременно (1992-93 гг.). Работа Кесады была посвящена политической организации майя в раннеколониальный период, но в первой главе автор рассмотрел политическую географию и институты доиспанского общества. Окоси, в свою очередь, сконцентрировался на анализе не проработанного на тот момент должным образом «Кодекса из Калькини», восстановив на его основе политическую организацию *кучкабаля* с центром в этом селении. Несмотря на некоторое отличие тем и источников и ряд разногласий, методологически оба исследования оказались близки: они отходят от некритического толкования испанских источников, обращаясь к анализу собственно майяской потестарной терминологии и отражению конкретных политических реалий; в результате основа

политической географии Ройса — представление «провинций» как политий — оказалась подорвана. Кесада продемонстрировал их несоотнесенность с реконструированной им сетью *кучкабалей* и независимых селений. И Окоси, и Кесада подвергли критике представления о наличии у доиспанских майя понятия четких границ; не менее важно, что оба исследователя выделили в качестве базового элемента политической организации *ках*, а не *кучкабаль*, и обратились к анализу административных уровней ниже правителя отдельного селения. Политическая организация Майяпанской державы, в представлении Кесады (Окоси не касался данного вопроса), была полностью уничтожена с ее крахом: территория Юкатана, по его мнению, распалась на отдельные *кахи*, процесс «собирания» которых в *кучкабали* (в незавершенном виде) застали конкистадоры. К настоящему времени гипотезы Окоси и Кесады пережили сплавление (не без личного участия в этом процессе их создателей) в единую схему политической организации майя поздней постклассики, и в рамках этой схемы работает уже ряд видных археологов и историков (М. Флорес Эрнандес, М. Перес Ривас, С. Кепеч). В археологии наблюдается и другая тенденция, представленная, прежде всего, американскими исследователями (М. Мэссон, А. и Д. Чейзы и др.): изучение экономической жизни и социального расслоения постклассических майя. Новые работы говорят о значительной стратификации и важной роли торгового обмена, в ряде случаев прямо связывая их с процессами политогенеза в Северном Юкатане. Такой подход тяготеет к компаративным исследованиям, а потому противостоит индихенистским по своей сути схемам Кесады и Окоси, а вместе с ними — и других этноисториков, исследовавших политическую организацию *каха* в контактный и раннеколониальный периоды (Н. Фэррис, М. Ресталл и др.).

В отечественной историографии проблему территориально-административной организации постклассических майя впервые затронул Ю.В. Кнорозов. В

предисловии к изданию перевода «Сообщения» Д. де Ланды (1955) вопрос затрагивается им вскользь и, в целом, в русле представлений Р. Ройса. Позднее, в реконструкции истории Юкатана на материале книг Чилам-Балам, Кнорозов соединяет популярную в западной майянистике сер. XX в. идею четырехчастном делении мира майя в самых различных аспектах (географическом, политическом, ритуальном и т. д.) с концепцией фратрий, находя «четырёхчастность» в административном делении государств Чичен-Ицы и Майяпана и объясняя ее через наличие у племени ица четырех фратрий. Эта идея в приложении уже к постмайяпанским политиям нашла место в важном труде В.И. Гуляева (1979 г.). Повторяя, в целом, схему Ройса, историк вносил в нее, помимо фратрий, другое методологическое новшество: *кучкабаль* был соотнесен здесь с типом номового государства, выделенным И.М. Дьяконовым на переднеазиатском материале. *Как* представлен как сложная территориальная община, делящаяся, в свою очередь, на более мелкие общины родового или фратриального характера. Вообще же политическая организация постклассических майя понимается здесь как проекция идеальной четырехчастной структуры. Наконец, к проблеме территориально-административной организации обращается в своих работах современный российский историк А.В. Пакин. Исследователь, относя себя к неозволюционистскому направлению, находится вместе с тем в рамках концепций Кесады и Окоси, с которыми активно полемизирует с позиций, близких гиперкритицизму. Скептически относясь к возможности реконструкции политической организации Майяпана, Пакин допускает все же гетерогенность *кучкабалей*: от административных частей державы до появившихся после ее крушения. Для анализа устройства политий этого типа ученый прибегает к модели ядра и периферии. Одновременно он выдвигает важное предположение о наличии более высокого уровня контроля над местными правителями *кахов* со стороны высшей аристократии в майяпанский период, когда эти два слоя знати, на его взгляд,

не имели родственных связей. *Ках* понимается исследователем как многоуровневая территориальная община, более дробное административное и общинное деление в которой не совпадало.

Источниковая база исследования включает в себя письменные и археологические источники.

Корпус использованных испаноязычных письменных источников состоит из разнородных и неравноценных для раскрытия темы текстов, которые можно сгруппировать в несколько категорий.

К *запискам участников конкис* относятся отчет Х. Диаса², письма Э. Кортеса³, мемуары Б. Диаса дель Кастильо⁴, доклад А. Давилы⁵. Для этих нарративов характерна относительная синхронность с описываемыми событиями (исключением является сочинение Б. Диаса дель Кастильо, которое автор создавал вплоть до своей смерти в 1584 г.); события, описанные в них, наблюдались авторами непосредственно (или представлены таковыми). При этом интерес составителей очевидным образом сконцентрирован на военных столкновениях; внимание политической организации туземцев они уделяют ровно настолько, насколько она имеет отношение к боевым действиям, к тому же без какой-либо рефлексии пропуская ее через оптику европейца XVI в.

Другую группу составляют *тексты историков Индии и описания Нового Света*. Сюда относятся работы П. Мартира де Англирии⁶, Г. Фернандеса де Овьедо-

² Díaz J. Itinerario de la armada del rey católico a la isla de Yucatán, en la India, en año 1518, en la que fue por comandante y capitán general Juan de Grijalva // Colección de documentos para la historia de México. T. 1. / Ed. por J. García de Icazbalceta. México, 1858. P. 281-308.

³ Cartas y relaciones de Hernán Cortés al emperador Carlos V. / Col. por P. Gayangos. Paris, 1866.

⁴ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la Conquista de la Nueva España por Bernal Díaz del Castillo, uno de sus conquistadores. Única edición hecha según el código autógrafa. T. I-II. México, 1904.

⁵ Relación sobre Alonso Dávila en Yucatán. 1533 // Archivo General de Indias. Signatura: ES.41091.AGI/29.3.9.1//PATRONATO, 20, N.2, R.3.

⁶ Martyr ab Angleria P. De orbe nouo Petri Martyris ab Angleria Mediolanensis protonotarii Caesaris senatoris decades. Compluti: apud Michaellem de Eguia, 1530.

и-Вальдеса⁷, Ф. Лопеса де Гомары⁸, Ф. Сервантеса де Саласара⁹. В работах этого жанра относительно слабо заселенный и небогатый Юкатан не получил внимания, сравнимого с Центральной Мексикой и некоторыми другими регионами Нового Света; кроме того, никто из них не бывал на полуострове. Тем не менее, в своих работах они полагаются на рассказы участников конкисты, письма и документы, зачастую до нас не дошедшие. При всех своих объективных ограничениях, источники этой группы могут использоваться как дополнительные к более информативным.

Куда перспективнее для изучения избранной темы *работы раннеколониальных историков и описателей Юкатана* («Сообщение...» Д. де Ланды¹⁰, путевой дневник А. де Сьюдад-Реаля¹¹, «Истории» Б. де Лисаны¹² и Д. Лопеса де Когольюдо¹³, «Сообщение о некоторых обычаях...» Г.А. Чи¹⁴, «Сообщение» П. Санчеса де Агиляра¹⁵). Авторы этих текстов провели жизнь или значительную ее часть на полуострове и были знакомы с местными, пусть уже и раннеколониальными, порядками, а потому оказываются куда более чуткими к майяским реалиям, нежели конкистадоры и европейские хронисты. От изучаемого периода их отделяет большой временной промежуток; наиболее раннее (и ценное) сочинение из этой категории, «Сообщение...» Д. де Ланды, составлено, вероятнее всего, в 1550-60-е гг.

⁷ Fernández de Oviedo y Valdés G. Historia general y natural de las Indias, islas y tierra-firme del Mar Océano, por el capitán Gonzalo Fernández de Oviedo y Valdés, primer cronista del Nuevo Mundo. T. 1-4. Madrid: Imprenta de la Real academia de la historia, 1851-1855.

⁸ López de Gómara F. Historia general de las Indias y vida de Hernán Cortés. Caracas, 1978; López de Gómara F. Historia de la conquista de México. Caracas, 1979.

⁹ Cervantes de Salazar F. Crónica de la Nueva España. Madrid, 1914.

¹⁰ Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1955.

¹¹ Ciudad Real A. de. Relación breve y verdadera de algunas cosas de las muchas que sucedieron al padre Fray Alonso Ponce en las provincias de la Nueva España, siendo comisario general de aquellas partes. 2 T. Madrid, 1872.

¹² Lizana B. de. Historia de Yucatán. / Ed. por Fol. Jiménez Villalba. Madrid, 1988.

¹³ López de Cogolludo D. Los tres siglos de la dominación española en Yucatán, o sea historia de esta provincia desde la conquista hasta la independencia. 2 T. Campeche – Mérida, 1842-1845.

¹⁴ Strecker M., Artieda J. La relación de algunas costumbres (1582) de Gaspar Antonio Chi // Estudios de la Historia Novohispana. 1978. Vol. 6. P. 89-107.

¹⁵ Sánchez de Aguilar D.P. Informe contra idolorum cultores. 5a ed. Valladolid, 1997.

Тем не менее, они имели доступ к показаниям очевидцев, устной традиции и, вероятно, к местным архивам, далеко не полностью сохранившимся. Вследствие этого я считаю возможным опираться, хотя и критически, в том числе и на поздние работы юкатанских историков вплоть до сер. XVII в. Особняком, несмотря на свою краткость, стоит текст Г.А. Чи — выходца из местной майяской знати, нашедшего место в колониальной администрации. Выделяется оно, к сожалению, не только несомненным знанием местных реалий, но и попытками европеизировать их (вплоть до описания политических отношений в терминах европейского феодализма и отрицания канныализма в доиспанском Юкатане).

Отдельную категорию составляют *раннеколониальные письма и документы*, составлявшиеся во время конкисты и вскоре после нее. Весьма ценны сохранившиеся письма духовных лиц 1540-60-х гг.: послания Хуана де Ла Пуэрты¹⁶ и Луиса де Вильяльпандо¹⁷ Совету Индий, Лоренсо де Бьенвениды¹⁸ и Франсиско де Торалья¹⁹ — Филиппу II. К числу документов светского происхождения относятся письмо городского совета Мерида королю²⁰; письмо главного алькальда Мерида Диего Кихады Филиппу II²¹; наконец, пробанса Диего и Хуана де Контрерасов, в которой сын описывает деяния своего отца-конкистадора²². Наконец важнейшую

¹⁶ de la Puerta J. Carta de Fray Juan de La Puerta, comisario, y de otros franciscanos de la provincia de Yucatán, al Real Consejo de Indias, haciendo presente las modificaciones que era necesario introducir en el buen gobierno y régimen de aquella provincia // Cartas de Indias. Madrid: Imprenta de Manuel G. Hernández, 1877. P. 67-69

¹⁷ Carta de fray Luis de Villalpando al Consejo de las Indias. 1550 // Archivo Histórico Nacional. Signatura: ES.28079.AHN/5.1.15//DIVERSOS-COLECCIONES,23,N.55.

¹⁸ de Bienvenida L. Carta de Fray Lorenzo de Bienvenida á Su Alteza el Príncipe Don Felipe, dándole cuenta de varios asuntos referentes á la Provincia de Yucatán // Cartas de Indias. Madrid: Imprenta de Manuel G. Hernández, 1877. P. 70-82.

¹⁹ Fray Francisco de Toral, obispo Yucatán : excesos franciscanos. 1564 // Archivo General de Indias. Signatura: ES.41091.AGI/29.7.15.5//PATRONATO,184,R.52.

²⁰ [Carta del cabildo de Mérida al rey] / Cartas y expedientes del cabildo secular de Mérida. 1543 // Archivo General de Indias. Signatura: ES.41091.AGI/23.10.366//MEXICO,364 ; fs. 1-3.

²¹ Carta del doctor Diego Quixada, alcalde de Mérida de Yucatán, al Rey Don Felipe II, dando cuenta de diferencias habidas con el obispo de aquella diócesis, y de otros varios asuntos. Mérida, 15 de marzo de 1563 // Cartas de Indias. Madrid, 1877. P. 380-391.

²² Probanza de los méritos y servicios de Juan de Contreras y Diego de Contreras // Archivo General de Indias. Signatura: ES.41091.AGI/29.5.11.3//PATRONATO,56,N.4,R.2.

роль при написании работы сыграл корпус т. н. «Сообщения из Юкатана»²³ — корпус из 52 описаний Юкатана (из них 50 происходят из интересующей нас его части), созданный в 1579-1581 гг. по указанию Филиппа II. Русский перевод «Сообщений» представлен в приложении к диссертации. Для всех текстов данной категории, вписанных в сложную политическую борьбу, развернувшуюся на полуострове в раннеколониальный период, характерна тенденциозность, которая, однако, далеко не всегда распространяется на интересующие нас вопросы — доиспанскую политическую организацию, поселенческую географию и т.п. Более того, их массовость и знакомство авторов с местной жизнью делают их незаменимыми в качестве источников по изучаемой теме.

Важное значение при изучении общества майя постклассического периода имеет такой, обыкновенно весьма маргинальный, тип источников, как *раннеколониальные словари*. От 2-й пол. XVI в. к нашему времени известны 7 текстов этого рода²⁴. Все обнаруженные экземпляры связаны с деятельностью местного духовенства, благодаря чему в научной терминологии за всем корпусом колониальных словарей закрепилось наименование францисканских. Бесспорно существовавшие словари, созданные представителями местной знати²⁵, не сохранились или еще не открыты. Общей чертой, выделяющей майяские словари из совокупности аналогичных трудов из других регионов Мезоамерики, является их сугубо рукописный характер. Вероятно, одним из наиболее ранних является т.н. Венский словарь²⁶, но наибольшую ценность представляет 1-й словарь из Мотуля

²³ Relaciones histórico-geográficas de la gobernación de Yucatán (Mérida, Valladolid y Tabasco). 2 T. / Ed. por M. de la Garza et al. México, 1983.

²⁴ Bolles D. The Mayan Franciscan vocabularies: A preliminary survey. 2003. URL: <http://www.famsi.org/research/bolles/franciscan/FranciscanVocab.pdf> (Дата обращения: 01.06.2021).

²⁵ Hernández E. Los vocabularios hispano-mayas del siglo XVI // Missionary Linguistics IV – Lingüística Misionera IV. / Ed. by O. Zwartjes, R. Arzápalo Marín, and T.C. Smith-Clark. Amsterdam, 2009. P. 133-134; Tozzer A.M. A Maya Grammar, with Appraisalment of the Works Noted. Cambridge, 1921. P. 169.

²⁶ Vocabulario de maya than. Codex Vindobonensis N.S. 3833. Facsímil y transcripción crítica anotada. / Ed. por R. Acuña. México, 1993.

(также известный как калепин из Мотуля)²⁷, составленный А. де Сьюдад-Реалем. Помимо большого количества фразеологизмов, он содержит множество сочиненных (услышанных?) автором фраз, предложений и настоящих микроисторий, сама структура которых стала предметом отдельного исследования²⁸. Приводимые А. де Сьюдад-Реалем сценки представляют с точки зрения изучения политической структуры общества майя куда больший интерес, нежели переводы даже самых специфических терминов. Разумеется, как и большинство прочих текстов колониального периода, францисканские словари описывают реалии уже новой эпохи. Однако это не умаляет их ценности для исследователя, придерживающегося принципа историзма. Во-первых, нельзя не признать богатство их как источников по общественной организации майя конца XVI в. Несмотря на несомненные изменения в политической системе майя после конкисты, следует иметь в виду, что перемены коснулись, прежде всего, высшего, надлокального уровня организации. Локальные отношения, несомненно, претерпели куда меньшие изменения даже с учетом сведения отдельных общин в редукции. Отдельное внимание следует уделить данным относительно пространственной организации общественной жизни, касающимся также и доиспанской географии и поселенческой модели майя. Во-вторых, интерес представляет и сама терминология. Необходимо помнить, что, за исключением достаточно редких случаев прямого заимствования или калькирования экономической, социальной и политической терминологии, новые формы общественных отношений облачались в понятия доиспанских времен. К примеру, титул надлокального правителя *халач-виник*, полностью отсутствующий, к примеру, в «Историко-географических сообщениях», в изобилии приводится

²⁷ Ciudad Real A. de. *Calepino de Motul*. Diccionario Maya-Español. 2 T. México, 1995; несмотря на общепринятость такого названия, оно базируется лишь на мнении о частой встречаемости топонима «Мотуль» в тексте. К сожалению, именно такое доказательство выглядит наименее обоснованным. Слово «Мотуль» встречается лишь 4 раза; Конкаль же (селение примерно в 30 км к западу от Мотуля, имевшее францисканский монастырь) упоминается десятки раз.

²⁸ Lema Labadie R. *Los diálogos del Calepino de Motul*. Exploraciones en la historiografía de la otredad. Tesis que para obtener el grado de Doctor en Antropología Física. München, 2002.

составителями словарей как обыденное наименование генерал-губернатора. Этот и целый ряд других случаев позволяют не только в какой-то мере восстановить властную терминологию доиспанских майя, но и пролить свет на саму политическую организацию того периода.

При написании работы использовались сохранившиеся источники на юкатекском языке.

Наибольшую ценность среди них представляет т. н. «*Кодекс из Калькини*»²⁹ — сборник различных текстов, относящихся ко 2-й пол. XVI в. и происходящих из одного из региональных центров северо-западного Юкатана. Несмотря на то, что текст был переписан на руб. XVIII-XIX вв., из 15 его листов все кроме одного относятся ко 2-й пол. XVI в. Кодекс не представляет собой единого целого; источниковедческий анализ японского исследователя Ц. Окоси Харады, подготовившего его издание, показал присутствие 13-ти отдельных фрагментов; среди них имеются тексты исторического характера (3, 8, 10); тексты, описывающие конкисту и обустройство колониального общества (1, 2, 4, 9, 11); земельные договоры Калькини с соседними общинами (5, 6, 7). Источник имеет первостепенную важность для изучения территориально-административной структуры майя постклассического периода. Он во многом проливает свет как на общинную систему должностей, так и на представления майя о территориальности и на характер взаимосвязи отдельных административных единиц друг с другом. Вместе с тем, вряд ли было бы правильно считать его безусловно репрезентативным для всего северного Юкатана. По всей видимости, политическая организация Ахкануля (региона, откуда происходит «Кодекс из Калькини») в деталях отличалась от организации остальных областей полуострова. Об этом говорит хотя бы тот факт,

²⁹ Códice de Calkiní. / Ed. por T. Okoshi Harada. México, 2009.

что в значительной степени титулатура правителей и должностных лиц «Кодекса из Калькини» не совпадает с титулатурой, содержащейся в прочих источниках.

По размеру, значению и, в значительной мере, по структуре близки «Кодексу из Калькини» так называемые *книги Чилам-Балам*. К настоящему времени известны восемь подобных манускриптов, однако не все из них содержат сведения, касающиеся истории, политической и социальной организации майя (большинство представляют собой медицинские или религиозные христианские тексты); как следствие, в работе использованы три текста (из Чумайеля³⁰, Тисимины³¹ и Мани³²). Характерной особенностью книг Чилам-Балам является их взаимосвязанность. Многие фрагменты исторических и ритуальных текстов повторяются в двух или трех списках. Это обстоятельство было замечено Альфредо Баррерой Васкесом³³ и Юрием Валентиновичем Кнорозовым³⁴, а позднее — Дэвидом Боллзом³⁵. Однако в нашем случае более обоснованным выглядит использование текстов по отдельности: в них нас интересует, прежде всего, титулатура, во-вторых — топонимика, и лишь в третью очередь — передаваемые исторические факты. Параллельные же фрагменты трех рукописей имеют серьезные лексические отличия³⁶. Датировка фрагментов книг Чилам-Балам — сложный источниковедческий вопрос. Хотя сами манускрипты записаны уже в XIX в., их более раннее происхождение несомненно. Оценки исследователей разнятся: от допущения доиспанских, иероглифических прототипов³⁷ до предположения, что основным источником их могла быть устная традиция, искаженная в той или иной

³⁰ Edmonson M.S. *Heaven Born Merida and Its Destiny: The Book of Chilam Balam of Chumayel*. Austin, 1986.

³¹ Edmonson M.S. *The Ancient Future of Itza. The Book of Chilam Balam of Tizimin*. Austin, 1982.

³² Veglia L. *Due cosmovisioni a confronto: Edizione critica del libro di Chilam Balam di Mani*. Bologna, 2007.

³³ Barrera Vásquez A. *El libro de los libros de Chilam Balam*. México, 1948.

³⁴ Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М. – Л., 1963. С. 57-104.

³⁵ Bolles D.D. *A Translation of the Edited Text of Post Conquest Maya Literature*. Lancaster, 2003.

³⁶ Edmonson M.S. *The Ancient Future of Itza...* P. xii-xiii; Roys R.L. *The Book of Chilam Balam of Chumayel*. Norman, 1933. P. 3.

³⁷ Chuchiak J.F.IV. *Writing as Resistance: Maya Graphic Pluralism and Indigenous Elite Strategies for Survival in Colonial Yucatan, 1550-1750* // *Ethnohistory*. 2010. Vol. 57 no. 1. P. 105.

степени европейским влиянием уже в колониальное время³⁸. Тщательный анализ трех манускриптов, проведенный немецкой исследовательницей Антье Гунсенхеймер, однако, показал наличие в основе всех трех исторических повествований двух архетипов, первый из которых был связан с устной традицией и, возможно, с иероглифическими текстами и сложился ок. 1540 г., а второй, расширенный, сформировался ок 1590 г.³⁹.

Важное значение имеет т. н. «*Земельный договор из Мани*» (1557 г.) из корпуса документов Шивов из Йаши. Текст содержит в действительности запись двух территориальных разделов: между селением Мани, с одной стороны, и не подчиненными ему соседями к северу, востоку и западу, с другой; и между тремя соседними селениями — Тикулем, Ошкуцкабом и Йашой. Он оказывается источником первостепенной важности по тем же причинам, что и аналогичные фрагменты «Кодекса из Калькини», так как он проливает свет одновременно и на уровни политического управления и их взаимодействие, и на территориальность в понимании майя постклассического периода (будучи самым ранним из известных юкатекских текстов латинским письмом, он отражает еще не столь деформированные колониальной системой социальные отношения).

Определенную ценность с точки зрения перечисления общинных должностей имеет текст «*песен из Ц'итбальче*». Время составления сборника вызывает споры среди исследователей; содержание первой песни, посвященной жертвоприношению и представляющей для нас интерес в силу перечисления присутствующих представителей общинной верхушки, вряд ли предполагает доиспанское

³⁸ Miram H.M., Bricker V.R. Relating Time to Space: The Maya Calendar Compasses // 8th Palenque Round Table, 1993. / Ed. by M.G. Robertson, M.J. Macri and J. McHargue. San Francisco, 1996. P. 393-402.

³⁹ Gunsenheimer A. The Historical Darkness: A Methodological Approach to Uncover the Hidden History of Ethnohistorical Sources // Indiana. 2006. Vol. 23. P. 43.

происхождение: напротив, текст похож скорее на фиксацию забываемого ритуала и потому, вероятно, должен быть отнесен ко 2-й пол. XVI — нач. XVII в.

Важное значение для исследования территориально-административной структуры общества майя поздней постклассики имеют данные археологических исследований.

Стоит отметить, что рассматриваемая территория с археологической точки зрения изучена крайне неравномерно. Едва ли не единственным центром поздней постклассики, с которым археологи работают в течение долгого времени, является Майяпан. Первое большое археологическое исследование городища было проведено в кон. 1940-х — нач. 1960-х гг. Институтом Карнеги и Национальным институтом антропологии и истории Мексики (INAH). Результаты археологических исследований регулярно публиковались в виде научных статей, а после ее завершения были сведены в два фундаментальных труда. Первым из них является коллективная монография 1962 г., в которой участники экспедиции Татьяна Проскурякова, Ледьярд Смит и Гарри Поллок подвели итог анализу материальных остатков, а ведущий этноисторик того времени Ральф Ройс скомпилировал известные ему письменные источники, касающиеся периода майяпанской гегемонии⁴⁰. Впервые было картографировано все селение; интерес проявлялся не только к храмам и дворцам, но, в первую очередь, к обычной городской застройке. Третьим трудом, прямо связанным с майяпанской экспедицией Института Карнеги, было двухтомное исследование Роберта Смита, посвященное майяпанской керамике⁴¹; анализ Р. Смита во многом стал фундаментом периодизации керамики северного Юкатана в том виде, в каком она существует в настоящее время.

⁴⁰ Pollock H.E.D et al. Mayapan, Yucatan, Mexico. Washington, 1962.

⁴¹ Smith R.E. The Pottery of Mayapan: Including Studies of Ceramic Material from Uxmal, Kabah and Chichen Itza. 2 vol. Harvard, 1971.

В 1991-1993 гг. исследования в Майяпане при поддержке INAH и Атлантического университета Флориды проводил Клиффорд Браун. Плоды весьма удачной экспедиции отражены в отчете, готовившемся около десяти лет⁴², а также в докторской диссертации археолога, посвященной социальной организации майяпанского общества⁴³. Отдельного внимания заслуживает выпущенная на основе материала той же экспедиции двухтомная докторская диссертация Бернарда Рассела о сельской округе Майяпана⁴⁴.

С 1986 г. на территории городища действовала экспедиция INAH под руководством К. Перасы Лопе, а в 2001 г. при участии университета Олбани здесь начал осуществляться проект по изучению экономики Майяпана (PEMY, Proyecto Económico de Mayapán). Основным результатом его, помимо серии статей, стала вышедшая в 2014 г. монография Мэрилин Мэссон и К. Перасы Лопе⁴⁵. Ее охват, в отличие от труда 1962 г., вышел далеко за пределы собственно археологии городища. Через исследование социальной и экономической структуры Майяпана исследователи выходят на куда более обширную тему — функционирование юго-восточной части постклассического мезоамериканского ареала (Юкатан, Гватемала, Гондурас), региональным центром которой и был Майяпан.

Другим важным центром поздней постклассики, который подвергся пристальному изучению и картографированию, был Тулум, расположенный на восточном побережье полуострова. Исследования, финансируемые Институтом Карнеги, здесь начались еще в нач. XX в.; их главным итогом стала монография Сэмюэля Лотропа, вышедшая в свет в 1924 г.⁴⁶. Важной вехой постклассической археологии стала публикация монографии Артура Миллера, посвященной

⁴² Brown C. Informe final del proyecto Mayapán. Boca Raton, 2003.

⁴³ Brown C. Mayapan Society and Ancient Maya Social Organization: PhD Diss. New Orleans, 1999.

⁴⁴ Russel B. Postclassic Maya Settlement on the Rural-Urban Fringe of Mayapán, Yucatán, México. 2 Vol. Albany, 2008.

⁴⁵ Masson M.A., Peraza Lope C. Kukulcan's Realm: Urban Life at Ancient Mayapan. Boulder, 2014.

⁴⁶ Lothrop S. Tulum: An Archaeological Study of the East Coast of Yucatan. Washington, 1924.

настенным росписям Тулума и Танкаха; в действительности, труд оказался значительно шире заявленной темы и включил в себя обширные разделы об истории оккупации центров, местной керамической традиции, костных остатках жителей и анализе раковин моллюсков, имевших большое хозяйственное значение для этой прибрежной зоны⁴⁷. В работе использовались и результаты исследований мексиканских археологов, изучавших территорию памятника в 70-90-е гг. XX в. (А. Баррера Рубио⁴⁸, Рикардо Веласкес Валадес⁴⁹, Эрнесто Варгас Пачеко⁵⁰). Работы этого периода важны двумя деталями: во-первых, они поставили точку в вопросе о наличии исторического и поселенческого континуитета между двумя центрами и зафиксировали наличие обширной жилой застройки, выходившей за территорию между ними; во-вторых, показали наличие здесь значительной социальной стратификации.

На протяжении практически всего XX в. проводилось археологическое изучение других центров и жилой застройки, равно как и прибрежных территорий, восточного побережья. При написании диссертации использовались работы, посвященные как отдельным центрам региона (Шкарет, Шаманха, о. Косумель)⁵¹,

⁴⁷ Miller A.G. *On the Edge of the Sea: Mural Painting at Tancah-Tulum, Quintana Roo, Mexico*. Washington, 1982.

⁴⁸ Barrera Rubio A. Exploraciones arqueológicas en Tulum, Quintana Roo // *Boletín de la Escuela de Ciencias Antropológicas de la Universidad de Yucatán*. 1977. Vol. 24. P. 23-63; Idem. Tulum desde la perspectiva del materialismo histórico // *Boletín de la Escuela de Ciencias Antropológicas de la Universidad de Yucatán*. 1980. Vol. 8 no. 44. P. 27-54; Idem. Littoral-Marine Economy at Tulum, Quintana Roo, Mexico // *The Lowland Maya Postclassic*. / Ed. by A.F. Chase and P.M. Rice. Austin, 1985. P. 50-61.

⁴⁹ Velázquez Valadez R. Tulum: Extensión y trazo // *Boletín de la Escuela de Ciencias Antropológicas de la Universidad de Yucatán*. 1985. Vol. 12 núm. 70. P. 24-33.

⁵⁰ Vargas Pacheco E., Santillán P. Las tumbas osarios de Tulum // *Anales de Antropología*. 1990. Vol. 27 núm. 1. P. 201-213; Vargas Pacheco E. El espacio sagrado en Tulum // *Religión y sociedad en el área maya*. / Ed. por C. Varela Torrecilla, J.L. Bonor y Y. Fernández Marquínez. Madrid, 1995. P. 57-69.

⁵¹ Hernández Hernández C. Cálculos demográficos para Xamanhá: Un sitio del posclásico tardío en la costa oriental // *Memorias del Primer Congreso Internacional de Mayistas*. T. 2. México, 1992. P. 512-525; Terrones González E. Proyecto Salvamento Arqueológico Rancho Ina, Quintana Roo // *Mexicon*. Vol. 12 no. 5. 1990. P. 89-92; Batún Alpuche I. Patrones de asentamientos mayas y uso de la tierra en Buena Vista, Cozumel, México. FAMSI, 2005; Idem. *Agrarian Production and Intensification at a Postclassic Maya Community, Buena Vista, Cozumel, Mexico*: PhD Diss. Gainesville [?], 2009; Peraza Lope C. Ceramic Analyses and Sequence from San Gervasio, Cozumel // *Quintana Roo Archaeology*. / Ed. by J.M. Shaw and J.P. Mathews. Tucson, 2005. P. 77-86; Freidel D.A., Sabloff J.A. *Cozumel: Late Maya Settlement Patterns*. Orlando, 1984; Connor J.G. *The Ceramics of Cozumel, Quintana Roo, Mexico*: PhD diss. Tucson, 1983; Rathje W.L., Sabloff J.A. *Ancient Maya Commercial Systems: A Research Design for the Island of*

так и ряд статей, обобщающих исследования поселений побережья⁵². Об усилении интереса к памятникам вне монументальных центров свидетельствует экспедиция INAH в небольшое прибрежное поселение Чак-Мооль (1995-1998 гг.), результатом которой стала коллективная монография, посвященная демографической и социальной истории этого второстепенного центра на протяжении ранней и поздней классики⁵³.

Большим шагом к установлению поселенческой структуры северо-восточного Юкатана стал археологический проект по изучению побережья майя (Proyecto Costa Maya, PCM), проведенный INAH в 1999-2003 гг. Результатом его стала серия статей Энтони Эндрюса и Фернандо Роблеса⁵⁴. Несмотря на свое название, проект не ограничился изучением только лишь побережья, но охватил обширные внутренние районы Юкатана — от северо-западного окончания полуострова до границы г. Мерида и даже несколько южнее. До начала проекта в данном регионе было известно 69 доиспанских селений, а после его окончания список вырос до 249. В то

Cozumel, Mexico // *World Archaeology*. 1973. Vol. 5 no. 2. P. 221-231; Witchey W.R.T. Recent Investigations at the Maya Inland Port City of Muyil (Chun yaxche), Quintana Roo, Mexico // *Mexicon*. 1988. Vol. 10 no. 6. P. 111-117.

⁵² Andrews A.P. Reconocimiento arqueológico de Tulum a Punta Allen, Quintana Roo // *Boletín de la Escuela de Ciencias Antropológicas de la Universidad de Yucatán*. 1983. Vol. 61. P. 15-33; Idem. The Archaeology and History of Northern Quintana Roo // *Geology and Hydrogeology of the Yucatan and Quaternary Geology of Northeastern Yucatan Peninsula*. / Ed. by W.C. Ward. New Orleans, 1985. P. 127-143; Flores Hernández M., Pérez Rivas M.E. Apuntes para el estudio de la organización sociopolítica de la costa oriental de Quintana Roo // *Nuevas perspectivas sobre la geografía política de los mayas*. / Ed. por T. Okoshi Harada, A.L. Izquierdo y de La Cueva y L. Williams-Beck. México, 2006. P. 81-126; Con Uribe J.M. The East Coast of Quintana Roo: A Brief Account of Archaeological Work // *Quintana Roo Archaeology*. / Ed. by J.M. Shaw and J.P. Mathews. Tucson, 2005. P. 15-29; Glover J.B., Rissolo D., Mathews J.P. The Hidden World of the Maritime Maya: Lost Landscapes along the North Coast of Quintana Roo, Mexico // *The Archaeology of Maritime Landscapes*. / Ed. by B. Ford. New York, 2011. P. 195-216.

⁵³ La población maya costera de Chac Mool: Análisis biocultural y dinámica demográfica en el Clásico Terminal y el Posclásico. / Ed. por L. Márquez Morfín, P.O. Hernández Espinoza y E. González Licón. México, 2006.

⁵⁴ Andrews A.P., Robles Castellanos F. Proyecto Costa Maya: Reconocimiento arqueológico de la esquina noroeste de la Península de Yucatán // *XVII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 2003*. / Ed. por J.P. Laporte et al. Guatemala, 2004. P. 41-60; Andrews A.P., Robles Castellanos F. *Proyectos Costa Maya and Ciudad Cauce: Archaeological Survey of Northwestern Yucatán: Ceramic and Lithic Analysis* [Электронный ресурс]. 2008. URL: <http://www.famsi.org/reports/07034/07034Andrews01.pdf>; Andrews A.P., Robles Castellanos F. An Archaeological Survey of Northwestern Yucatan, Mexico // *Mexicon*. 2004. Vol. 26. P. 7-14.

же время стоит отметить, что на постклассический период из них приходится всего 20⁵⁵.

Важное значение имеют региональные исследования Ахк'инчеля, проводимые силами мексиканских археологов под руководством Мигеля Коваррубиаса и Рафаэля Бургоса⁵⁶. Работы, выросшие из проекта по изучению Исамал (INAH, с 2003 г.), заключаются в анализе данных аэрофотосъемки и археологической разведке на местах определенных поселений. Такая методология, безусловно, позволяет фиксировать лишь монументальные центры и осуществлять только самую примерную их датировку. Тем не менее, определенные выводы о политической географии и экономике центральной части северного Юкатана в постклассический период на основании имеющихся данных делать уже можно: доказана важность добычи соли и морской торговли, Ц'илам, известный из письменных источников, определен как второе по размерам поселение региона после Исамал и т. д. По-своему исключительным является пример археологического исследования Текоха⁵⁷ — крупного доиспанского центра, пусть и перестроенного в начале колониального периода на испанский манер, однако вскоре после этого заброшенного.

Важное региональное исследование Чикинчеля (восточная часть северного побережья Юкатана) было проведено американкой Сьюзан Кепеч. Итогом его стала

⁵⁵ Ibid. P. 8

⁵⁶ Burgos Villanueva R. et al. Investigaciones arqueológicas en la región costera y al interior de la provincia histórica de Ah Kin Chel, Yucatán // Investigadores de la Cultura Maya 16. T. II. Campeche, 2008. P. 47-61; Covarrubias Reyna M., Burgos Villanueva R. Geografía política de la provincia de Ah Kin Chel // Boletín del Sistema Nacional de Información, Estadística y Geografía. 2008. Vol. 1 núm. 1. P. 46-88; Covarrubias Reyna M. et al. Dzilam González: Sitio de control sociopolítico de la costa centro norte de Yucatán // Estudios de Cultura Maya. 2014. Vol. 44. P. 203-228; Covarrubias Reyna M., Burgos Villanueva R. El paisaje arqueológico de la costa centro-norte de Yucatán // Estudios de Cultura Maya. Vol. 47. 2016. P. 55-92.

⁵⁷ Millet Cámara L., Ojeda M.H., Suárez A.V. Tecoh, Izamal: Nobleza indígena y conquista española // Latin American Antiquity. 1993. Vol. 4 no. 1. P. 48-58; García Targa J. Análisis histórico y arqueológico del asentamiento colonial de Tecoh (estado de Yucatán, México), siglo XVI // Ancient Mesoamerica. 2000. Vol. 11. P. 231-243; Idem. Características arquitectónicas y urbanísticas del sitio colonial de Tecoh (Estado de Yucatán, México) // Mayab. 1996. T. 10. P. 59-69.

диссертация⁵⁸ и серия статей, посвященных политической географии и экономике региона⁵⁹. Крайне интересными представляются выводы анализа керамики, показывающие наличие резкой границы майяпанского ареала, захватывающего Лоче (запад Чикинчеля), но не распространяющегося на более восточные поселения. Кроме того, частично территорию Чикинчеля покрыл проект археологической разведки Ахкупуля (Cupul Survey Project), осуществленный во 2-й пол. 1980-х гг.; на юге им оказалась затронута территория вплоть до Чичен-Ицы. Проект зафиксировал снижение плотности населения и оставление части поселений в поздний постклассический период. С другой стороны, он продемонстрировал наличие поселенческой иерархии, предполагавшей существование ряда надлокальных политий⁶⁰.

Представляют ценность результаты регионального проекта Йальахава (Yalahau Regional Project) — области на крайнем северо-востоке Юкатана. Как выяснилось, большинство исследованных здесь поселений имеют постклассическую компоненту, причем два самых крупных из них — Т'исиль и Эль-Наранхаль — в раннюю постклассику были покинуты; таким образом, можно утверждать, что в интересующее нас время область переживала расцвет. Тем не менее, речь о создании поселенческой иерархии позднего постклассического периода пока не идет⁶¹.

⁵⁸ Kepecs S. The Political Economy of Chikinchel, Yucatán, Mexico: A Diachronic Analysis from the Prehispanic Era Through the Age of Spanish Administration: PhD Diss... Madison, 1999 (non vidi).

⁵⁹ Kepecs S. Native Yucatán and Spanish Influence: The Archaeology and History of Chikinchel // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 1997. Vol. 4 no. 3-4. P. 307-329; Eadem. Diachronic Ceramic Evidence and Its Social Implications in the Chikinchel Region, Northeast Yucatan, Mexico // *Ancient Mesoamerica*. 1998. Vol. 9 no. 1. P. 121-135; Eadem. Salt Sources and Production // *The Postclassic Mesoamerican World*. / Ed. by M.E. Smith and F.F. Berdan. Salt Lake City, 2003. P. 126-130; Eadem. Mayas, Spaniards, and Salt: World Systems Shifts in Sixteenth-Century Yucatan // *The Postclassic to Spanish-Era Transition in Mesoamerica: Archaeological Perspectives*. / Ed. by S. Kepecs and R.T. Alexander. Albuquerque, 2005. P. 117-138; Eadem. The Political Geography of Chikinchel, Yucatán, México: Historical and Cross-Cultural Approaches // *Nuevas perspectivas sobre la geografía política de los mayas*. / Ed. by T. Okoshi Harada, A.L. Izquierdo y L. Williams-Beck. México, 2006. P. 209-232.

⁶⁰ Andrews A.P., Gallareta Negrón T., Cobos Palma R. Preliminary Report of the Cupul Survey Project // *Mexicon*. 1989. Vol. 11 no. 5. P. 91-95.

⁶¹ Fedick S.L., Mathews J.P. The Yalahau Regional Human Ecology Project: An Introduction and Summary of Recent Research // *Quintana Roo Archaeology*. / Ed. by J.M. Shaw and J.P. Mathews. Tucson, 2005. P. 33-50; Amador F.E., Glover J.E. Archaeology in the Yalahau Region: Preliminary Results of the 2003-2004 Field Season // *Quintana Roo*

Неожиданно интригующие результаты дало проведенное в 2005 г. исследование сельской округи в Центральном Юкатане. В течение полутора месяцев группа из четырех археологов проводила разведку путем просечения просек внутри приблизительного периметра Текох–Мани–Хухи–Какальчен–Пето. Изучено было около 35 селений, а общая длина траншей составила 10 км. Итоги исследований, представленные на конференции Общества американской археологии в Сан-Хуане в 2006 г., с большой степенью уверенности позволяют говорить о высокой плотности населения в сельской округе эпохи Майяпанской Лиги; кроме того, обнаружен был Оцмаль, известный из письменных источников как важный постмайяпанский политический центр, но не отмеченный никем из исследователей ранее. К сожалению, единственным итогом исследований в данном регионе является до сих пор совместный доклад группы ученых под руководством К. Брауна⁶². Остается надеяться, что в дальнейшем работы здесь продолжатся.

Большим шагом вперед в изучении поселенческой иерархии и социально-политической организации внутренних районов Юкатана стала деятельность Регионального археологического исследования Кочваха (Cochuah Regional Archaeological Survey, CRAS). Экспедиция, проведенная в 2000-2014 гг. под руководством американских археологов Джастин Шоу и Дэйва Джонстона, выявила внутрорегиональные различия ландшафта и поселенческой модели. Изучение эволюции региона на протяжении длительного временного промежутка выявило ряд важных черт: уменьшение и перемещение популяции в поздний постклассический период с упадком торгового коридора в Центральный Петен,

Archaeology. / Ed. by J.M. Shaw and J.P. Mathews. Tucson, 2005. P. 51-65; Glover J.B. The Yalahau Region: a Study of Ancient Maya Sociopolitical Organization // *Ancient Mesoamerica*. 2012. Vol. 23 no. 2. P. 271-295.

⁶² Brown C.T. et al. Results of Survey in Central Yucatán, México: Paper presented at the Symposium “Regional and Community Organization in the Northern Lowlands: Papers in Honor of the Life and Legacy of Ed Kurjack” celebrated at 76th Annual Meeting of the Society for American Archaeology. San Juan, Puerto Rico, April 29th, 2006 [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/661447/Results_of_survey_in_Central_Yucatán_México. Дата обращения: 01.06.2021.

сопровождающиеся расцветом двух главных центров области — Йокопа и Ичмуля; тенденцию постклассических майя занимать древние святилища и возобновлять в них богослужение, в чем археологи видят стремление установить символическую родственную связь с бывшим населением, и т. д. Результаты раскопок находятся в открытом доступе в виде ежегодных отчетов⁶³; в 2015 г. в свет вышла коллективная монография⁶⁴, подводящая итоги проекта.

Для выяснения территориально-административной структуры позднеклассических майя северного Юкатана могут оказаться полезными данные, полученные в результате исследований регионов, которые имели с ними тесные культурные и этнические связи, что не могло не привести к определенной близости традиционного политического устройства. Таким регионом, прежде всего, стоит признать Петен. Археологические исследования ведутся в регионе с начала 1970-х гг. При анализе отдельных типов построек и элементов поселенческой модели я обращался к данным по отдельным центрам Петена⁶⁵. Большой интерес представляет проект по комплексному изучению политической географии Озерного региона в постклассический и колониальный периоды (Proyecto Maya Colonial, РМС), проведенный под руководством Д. Райса, П. Райс и Г. Джонса в 1994-1999 гг. По итогам исследований участниками проекта был написан ряд трудов, в том числе коллективная монография, посвященная ковохам в частности и региону в целом⁶⁶.

Научная новизна. К настоящему моменту нет исследований, целью которых было осмысление территориально-административной политической организации

⁶³ Research [Электронный ресурс]. URL: <https://www.redwoods.edu/anthropology/Research>. Дата обращения: 01.06.2021.

⁶⁴ The Maya of the Cochuah Region: Archaeological and Ethnographic Perspectives on the Northern Lowlands. / Ed. by J.M. Shaw. Albuquerque, 2015.

⁶⁵ Johnson J.K. Postclassic Maya site structure at Topoxte, El Peten, Guatemala // Lowland Maya Postclassic. / Ed. by A.F. Chase and D.Z. Chase. Austin, 1985. P. 151-165; Pugh T.W., Rice P.M. Arquitectura estilo Mayapán y evidencias de organización dual en el sitio Postclásico de Zacpeten, Petén // X Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 1996. / Ed. por J.P. Laporte y H. Escobedo. Guatemala, 1997. P. 567-580.

⁶⁶ The Kowoj: Identity, Migration and Geopolitics in Late Postclassic Peten, Guatemala. / Ed. by P.M. Rice and D.S. Rice. Boulder, 2009.

мая северного Юкатана а) на протяжении всего позднего постклассического периода и б) в парадигме ее многовариантности. Обе имеющиеся на настоящее время работы по политической географии мая всего рассматриваемого региона (Р. Ройса и С. Кесады) ограничиваются анализом ситуации, сложившейся ко времени конкисты полуострова.

Кроме того, данное исследование комбинирует недавно полученные данные археологических раскопок с широким кругом письменных источников раннеколониального времени (на испанском и юкатекском языках), иные из которых еще не были опубликованы; значительная часть источников не вводилась в научных оборот среди отечественных ученых. Работа представляет собой самостоятельное исследование и призвана восполнить пробел в изучении развития и функционирования территориально-административной организации северного Юкатана в поздний постклассический период.

Теоретическая значимость работы. Предпринята первая полноценная попытка проследить, насколько это возможно, динамику политико-географического развития северного Юкатана на протяжении всего позднего постклассического периода. Исследование показало, что Майяпанская полития под сенью единого центра управления включала в себя локальные и надлокальные политические образования того же рода (4- и 5-уровневые), что и существовавшие позднее, в эпоху конкисты. Это позволяет отказаться от существующих в науке представлений об этом государстве как о конфедерации равноправных правителей или, напротив, как о военной державе под властью одной династии. На основе анализа письменных и археологических источников предложена модель политической организации, которую я с долей скепсиса⁶⁷, вслед за терминологией самих мая, называю

⁶⁷ Вполне вероятно, что данный термин, зафиксированный в книгах Чилам-Балам, все же не относится к форме правления в Майяпанской политии и ряде других рассматриваемых государств.

мультипалем. Ее сущность состоит в заключении долговременного альянса местной (локальной или надлокальной) знати с переносом центров отдельных линиджей в одно столичное поселение. Сохраняя, по крайней мере, номинальный суверенитет над своими политиями, главы знатных родов оказывались оторванными от них; реальная власть над этими политиями опосредовалась должностными лицами; все это приводило к такой системе, которая, возможно, даже не имея единого верховного правителя (вопрос о том, был ли подобный пост в Майяпанской политии, спорен) и демонстрируя *в центре*, между правящими родами, относительную политическую децентрализацию, *в целом* была намного более централизованной, нежели даже постмайяпанские политии, которые находились почти исключительно под властью одного рода. Археологические признаки подобных систем наблюдаются не только в Майяпане, но и в ряде других центров, что позволяет поставить вопрос о причинах их появления. Делается вывод, что истоки их следует искать либо в упадке института «священного правления» (*k'uhul ajaw*) в конце классического периода и воссоздании постклассических государств уже на новой идеологической базе, связанной с общинными формами правления, либо в определенных региональных особенностях (которые, тем не менее, слабо могут объяснить географическую распространенность *мультипала* в постклассический период). Эти выводы могут использоваться как при дальнейшем изучении политических систем постклассической Мезоамерики, так и в компаративных политико-антропологических и исторических исследованиях.

Практическая значимость работы. Представленный фактический материал может использоваться для создания общих и специальных лекционных курсов, проведения семинарских занятий, при написании учебных пособий и работ по истории Мезоамерики.

Апробация результатов исследования. Основные положения исследования были отражены в 7 научных статьях автора, 6 из которых, общим объемом 4,8 а.л., опубликованы в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Web of Science, Scopus, RSCI и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по группе специальностей 07.00.00 – исторические науки и археология.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Структура работы соответствует поставленным в исследовании задачам и состоит из введения, трех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка литературы и источников, а также приложений — 6 карт и перевода на русский язык «Историко-географических сообщений с Юкатана» (вынесенного во II том).

Положения, выносимые на защиту:

1) Несомненной базовой единицей политической организации, позволявшей поддерживать достигнутый уровень социально-экономической сложности, был *ках*, который в испанских источниках передается как *pueblo* (исп. «селение»). В пространственном отношении *ках* имел центральное поселение и ряд зависимых от него более мелких населенных пунктов; имея в виду центральное поселение, его можно считать городом лишь в наиболее широком функциональном смысле, согласно определению О.Г. Большакова и В.А. Якобсона (пункт, «в котором осуществляется сосредоточение, перераспределение и реализация прибавочного продукта»). *Кахи*, безусловно, не являлись номами ближневосточной древности, но роль их в политической динамике была сравнима: они были, по сути, наиболее элементарными образованиями, потенциально пригодными к автономному существованию. Более низкие уровни административного деления нельзя считать политическими в полной мере: самостоятельная их активность если и была

возможна, то только в наиболее экстремальных ситуациях и на непродолжительное время.

2) К этим низшим административным уровням следует отнести *кучтеели* и большесемейные коллективы (*mek'elte*). Вопрос о том, что лежало в основе кучтееля как административной единицы — территориальность, родовые или какие-либо иные межличностные связи, — дебатруется в научной литературе, однако анализ письменных источников, дополняемый археологическим изучением поселенческой структуры, показывает, что в реалиях доиспанского времени речь идет именно о территориальных единицах — по сути, соседских общинах. Рассмотрение большесемейного коллектива в качестве территориально-административной единицы оправдано как особенным положением (внутри семьи и на уровне соседской общины) их глав, а также особенностями (наблюдающимися, однако, не везде) хозяйственной жизни (подсечно-огневое земледелие) и вытекающей из них высокой дисперсностью населения.

3) Характер осуществления власти на уровне *кучтееля* неясен. Тем не менее, можно предположить, что должность его главы имела скорее почетное значение, о чем свидетельствуют этнографические данные XX в. (со всеми оговорками относительно их релевантности к реалиям XVI в.). Материал францисканских словарей и маргинальное обозначение должности в «Кодексе из Калькини» (*ayikal*) позволяют предположить, что лидерство в общине принадлежало наиболее зажиточным и/или старым родам.

4) Больше известно о том, каким образом строились отношения между *батабом* (правителем *каха*) и *ахкучкабами*, представлявшими отдельные *кучтеели*. Последние входили в советы при *батабе*, а в некоторых случаях, по-видимому, даже коллективно назначали или утверждали его в должности. Хотя действительный объем полномочий *ахкучкабов*, несомненно, варьировался от места к месту,

принцип совещательности был распространен, по-видимому, повсюду и был связан с общей идеологией власти позднего постклассического периода.

5) Существовавшие на протяжении позднего постклассического периода надлокальные политии можно разделить на 3-уровневые и, по-видимому, единственное 4-уровневое (региональное) — Майяпанскую политию.

6) 3-уровневые политии, известные под названием *кучкабалей*, состояли из различного количества (от нескольких до нескольких десятков) локальных субполитий (*кахов*). Взаимоотношения между отдельными *кахами* и центральной властью кучкабала подразумевали выплату дани, отработки и участие в военных действиях. Слабо доказуемой выглядит получившая распространение концепция политической географии, выдвинутая С. Кесадой, в свете которой *кучкабали* рассматриваются скорее как устойчивые личные союзы между правителями *кахов*, не обязательно соприкасающихся друг с другом. Судя по всему, структура их была все же значительно ближе к структуре типичных ранних государств древности. И в Ахкупуле, и в прочих регионах Юкатана эти образования все же стремились к территориальной целостности (что не исключает возможности существования отдельных эксклавов).

7) Майяпанская политика, которую можно считать региональным государством или его аналогом, возникла в результате объединения (добровольного или принудительного) правящих элит разноуровневых политий (от *каха* до *кучкабала*). Это объединение вызвало к жизни специфическую форму правления, в которой высшим или вторым по значению органом был совет глав правящих линиджей. Его функционирование требовало постоянного проживания местной знати в столице. Длительное отсутствие правителей в их наделах приводило к опосредованию их власти должностными лицами (*кальваками*) или местной более мелкой знатью. Концентрация высшей знати (и ее клиентских родов) в столице приводила к

экономической централизации и к интенсификации торгового обмена, которых невозможно было бы достичь вне этой формы правления.

8) Признаки данной формы правления наблюдаются в ряде сравнимых с Майяпаном и более мелких центров других частей области майя, что говорит о неслучайности появления ее в северном Юкатане. Ко времени конкисты она, возможно, присутствовала в двух центрах, которые, скорее всего, не подчинялись прямо Майяпану, но имели с ним тесные торговые и ритуально-символические связи: Сан-Хервасио (о. Косумель) и Тулум-Танках. Среди постмайяпанских же политий лишь у Канулей сохранялись ее внешние черты.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность и научная новизна работы, определяется предмет и объект исследования, а также исследовательские цели и задачи, приводится обзор историографии и источников, характеризуется методологическая база и определяются основные положения, выносимые на защиту.

Глава 1 «Региональное и политическое деление северного Юкатана в поздний постклассический период» посвящена наиболее крупным политическим структурам региона в рассматриваемый период. В **параграфе 1.1** исследуется ключевой термин раннеколониального времени, описывающий такие структуры, — *provincia* — и анализируется, на какие части и по какому принципу делился северный Юкатан в восприятии испанцев XVI в.; рассматриваются возможные юкатекские аналоги этого термина. **Параграф 1.2** посвящен определению территории и политико-административного деления Майяпанской политики — крупнейшего политического образования Северного Юкатана поздней постклассики. В **параграфе 1.3** предпринимается ревизия существующих реконструкций политического деления региона в постмайяпанскую эпоху.

В главе 2 «Уровни локального управления и их взаимодействие» рассматриваются административные и территориальные уровни управления локального и сублокального уровня. В параграфе 2.1 раскрывается природа крупной общины, *каха*, как базовой политической и территориально-административной единицы позднего постклассического периода. В параграфе 2.2 реконструируется его поселенческая структура. Параграф 2.3 реконструирует политико-территориальные единицы, существовавшие в позднюю постклассическую эпоху в рамках *каха*.

Глава 3 «Формы региональной и надрегиональной организации» имеет дело с надлокальными образованиями. В параграфе 3.1 рассматривается *кучкабаль* — наиболее сложная форма политики времен конкисты, известная из письменных источников; исследуются его структуры управления и вариативность в организации. В параграфе 3.2 исследуется форма правления Майяпанской политики — *мультиепаль*, и производится его типологизация как формы территориально-политической организации выше *кучкабаль*; признаки его обнаруживаются в Тулуме.

В заключении подводятся итоги работы. *Ках*, в испанских источниках передаваемый как *pueblo* (исп. «селение»), являлся минимальной суверенной территориально-политической единицей, способной поддерживать достигнутый уровень социальной сложности. Он делился на более низкие территориально-административные единицы — *кучтеели* и большесемейные коллективы — *мекельте*. Первые были территориальными единицами (по существу — соседскими общинами), должность главы которых (*ахкучкаб*) была, скорее, почетной и вероятно, принадлежала представителям наиболее зажиточных и/или старых родов. *Мекельте* в контексте избранной нами проблематики можно рассматривать как территориально-административную единицу ввиду высокой дисперсности

населения и руководящего положения их глав. *Ахкучкабы* входили в советы при правителе *каха* — *батабе* — и, в некоторых случаях, даже могли назначать или утверждать его в должности. По-видимому, принцип совещательности был связан с общей идеологией власти поздней постклассики. 3-уровневые политии (*кучкабали*) могли распространяться как на несколько, так и на десятки *кахов*. Взаимоотношения между ними подразумевали выплату дани, отработки и участие в военных действиях. Хотя наличие эксклавов и возможно, тезис о том, что речь идет о личных союзах правителей территориально разделенных *кахов*, представляется ложным: *кучкабали* стремились к территориальному единству. Высшая форма организации в поздний постклассический период, *мультипаль*, подразумевала объединение правящих элит разноуровневых политий (от *каха* до *кучкабаля*), имеющих право (или вынужденных) участвовать в совете, который играл первую или вторую роль в политической системе. Такая форма организации подразумевала постоянное проживание местной знати в столице, что вело к опосредованию их власти должностными лицами или более мелкой местной знатью, а также — к экономической централизации и концентрации торгового обмена в одном центре. Помимо Майяпана, признаки данной формы правления наблюдаются в Сан-Хервасио (о. Косумель) и Тулум-Танкахе, а внешние ее черты сохранялись в Ахкануле.

В **Приложении** (Том 2) представлен выполненный автором перевод «Историко-географических сообщений с Юкатана».

Список литературы содержит 419 позиций.

I. Публикации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в базах данных Scopus, Web of Science, RCSI и в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности 07.00.03 – Всеобщая история:

1. Федюшин В.В. Доиспанская политическая организация майя Северного Юкатана в представлении европейских колонистов 2-й пол. XVI в. // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 93-105. (1 а.л.); импакт-фактор (РИНЦ): 0,593.

2. Федюшин В.В. Политическая организация Тулума-Танкаха в поздний постклассический период // Латинская Америка. 2017. № 7. С. 69-83. (1 а.л.); импакт-фактор (РИНЦ): 0,697.

3. Федюшин В.В. К вопросу об источниках прибавочного продукта майяской знати позднего постклассического периода (XIII — 1-я пол. XVI в.) // Клио. 2018. № 4 (136). С. 44-54. (0,75 а.л.); импакт-фактор (РИНЦ): 0,185.

4. Федюшин В.В. Мультепаль: о сущности и идеологии политической системы майя постклассического периода // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 4. 2018. С. 17-34. (1 а.л.); импакт-фактор (РИНЦ): 0,226.

5. Федюшин В.В. К вопросу об устройстве административной системы Майяпанской державы // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 107-115. (0,8 а.л.); импакт-фактор (РИНЦ): 0,324.

6. Федюшин В.В. Политическая организация региона Ахкупуль накануне конкисты: критическая ревизия // Исторический журнал: научные исследования. 2018. № 4. С. 123-129. (0,35 а.л.); импакт-фактор (РИНЦ): 0,284.

II. Другие публикации:

7. Федюшин В.В. Саморепрезентация знати майя колониального периода в исторических хрониках династии Печ // Россия и Ибероамерика в глобализирующемся мире: история и современность. Доклады и материалы третьего международного форума. / Отв. ред. Хейфец В.Л. СПб, 2017. С. 2343-2351.